

ПОЛИНА ЕЛИЗАРОВА

БАБЫ

ИЛИ
КОВИДНАЯ
ОСЕНЬ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Полина Елизарова
Бабы, или Ковидная осень

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Елизарова П.

Бабы, или Ковидная осень / П. Елизарова — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Какую цену вы готовы заплатить за счастье? И что для вас означает это понятие: привычный набор муж/дети/достаток? Или обжигающую страсть? И как жить после того, как пожар чувств потухнет? Героини романа Полины Елизаровой «Бабы» невероятным образом связаны между собой не только общностью женских судеб, но и чувствами — раскрывшимися и потаенными, забытыми и жгучими до слез. Но слез их мы не видим, а, захваченные необычным сюжетом, наблюдаем малейшие движения души, вместе с ними видим пророческие сны и явственно слышим их негромкие голоса. Они такие разные — и такие близкие — нам и друг другу... События романа происходят в сентябре прошлого, 2020 года, в первую «ковидную» осень. Произведение содержит тонкости женской психологии и физиологии. Мужчинам к прочтению категорически не рекомендовано. Содержит нецензурную брань.

© Елизарова П., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Полина Елизарова

Бабы, или Ковидная осень

Катя-медсестра

– Ну-ка, дай сюда свой мобильный! – подскочив к новенькой, только что прооперированной женщине, Катя выцепила из ее пальцев последней модели «трехглазый» айфон.

Двенадцатый – версия этого года (насколько Катя знала от Борьки) – еще не поступил в продажу. Из-за пандемии «яблочники» задерживали его выход до октября. Любые разговоры про айфоны бесили Катю не столько потому, что она не могла себе позволить менять их сыну, тем более каждый год, а потому, что она упорно не понимала: чем это новый, бывший в эксплуатации год или два телефон хуже *самого* нового.

– Мои же волнуются! – женщина, опираясь о матрас со сбившейся простыней своими тонкими ручонками, неловко пыталась принять вертикальное положение. Больничная рубашка задралась на бедре с красновато-коричневым, распространенным этой осенью крымским загаром. Темно-серые, небольшие и очень выразительные глаза, как у пьяной потаскушки, были подернуты мутноватой после наркоза дымкой.

Впрочем, какая она женщина...

Только по возрасту в паспорте. А так – вертлявая худосочная девчонка с повышенной эмоциональной возбудимостью. Ее привезли в отделение час назад прямо с кресла гинеколога.

Рождающийся узел в шейке матки. Не дошла бы, дурында, сегодня до врача, как пить дать через несколько часов, максимум через день, загремела бы в реанимацию – такое, бывало, заканчивалось и удалением матки.

«Эти стрекозы еще и детей растят», – отметила про себя Катя, до операции не рассмотревшая экстренную пациентку Маргариты Семеновны, а вслух сказала:

– Ничего, поволнуются... – Она сунула чужой мобильный в кармашек своих голубых форменных брюк. – Поспать тебе надо. И не нервничать.

– Какой спать?! Мне домой надо! – явно плохо соображая, взвизгнула пациентка. – Муж из командировки только что прилетел! И дети дома одни... то есть с няней...

– Ты же няню предупредила, что тебя везут на операцию?

– И что с того? Ей сто лет уже! А муж приедет голодный! Мне нужно срочно туда позвонить!

– Туда это куда? – усмехнулась Катя и подкатила к койке штатив для капельницы.

– Домой! – Пациентка окатила ее с ног до головы презрительным взглядом своих хмельных глазенок.

Подобный взгляд был Кате знаком – именно так при первой встрече на нее глядела определенная категория женщин, попавших сюда по благу и поначалу пытавшихся общаться с персоналом как с обслугой.

Катя покосилась на стул с набросанной на него одеждой – расшитая стразами тонкого кашемира кофточка, бархатные брючки, маленькая сумочка от Диора. Все ясно. Живет с богатыньким, живет среди богатеньких, во имя будущих богатеньких. Вот только от болячек деньгами не откупиться.

Катя, еще каких-то сорок минут назад подбривавшая этой тогда еще смертельно напуганной пациентке промежность (обычная процедура перед хирургическим вмешательством), усмехнулась.

– Руку мне дай, – негромко приказала она. – Да расслабь ты ее, не дергайся, а то синяк будет.

Подстриженные под каре темно-каштановые волосы пациентки при каждом повороте вертявой головы источали тонкий аромат – цветок, похожий на розу, пудра и как будто немного коньяка.

– Да кто вы такая?! Вы не имеете права! Верните телефон!

– После капельницы верну. – Попав ловкими пальцами с первого раза в вену, Катя залепила на руке пациентки с помощью пластыря катетер и взяла с каталки для лекарств бутылочку с препаратом.

– Нет, я сначала позвоню! – упиралась сорокалетняя девчонка. – Это просто беспредел! Верните сейчас же телефон!

Катя набрала в шприц препарат, проткнула иглой крышку бутылочки с физраствором и настроила скорость потока.

– У меня муж голодный... – вдруг захныкала, как пятилетний ребенок, пациентка. Ее глазенки уже глядели умоляюще.

«Ой, отпусти меня, отпусти!» – Катя так и видела перед собой извивающееся на растерзанной кровати гибкое тело. Рот ее лгал, а тело – нет. Тело вовсе не хотело, чтобы тот, кто нарочито медленно приближался к нему, уходил. Тело молило остаться. Подобный тип женщин – вечных *не-знаю-чего-хочу* девочек, Катя называла про себя «искренними врушками».

– Короче, лежи и не дергайся! Делай что говорю, – почти не разжимая губ, прошипела чертовски уставшая за день Катя. – И скажи спасибо своему ангелу, что все так хорошо обошлось.

– Но они же там с ума сойдут! – привстав на локте и ухватив ее за кисть нежными, намакиюреными ярко-сиреневым пальчиками, умоляла больная.

– Сказала не дергайся! – Катя поправила катетер. – Няня-то эта давно у вас? – смягчила она голос.

– Да-а-а-вно. Она нам родственница.

– Ну, и что тогда кипещуешь? Уж должна твоя родственница догадаться и чем детей покормить, и чем мужа... Женщина она пожилая, мудрая, да?

– Да, – начала сдаваться больная и, прикрыв кулачком свободной руки рот, аппетитно зевнула.

Кате мучительно захотелось прилечь рядом и покемарить хотя бы часок, но впереди ее ждала длинная бессонная ночь.

– Постарайся уснуть.

Сдаваясь, больная прикрыла глаза:

– А телефон?

– Вернусь, сниму капельницу, отдам.

– Обещаете?

– Обещаю. Спи.

– Как вас зовут? – не разлепляя век, спросила пациентка.

Остатки умело нанесенного макияжа успели превратиться в цветную размазню – темно-коричневые и светло-бежевые перламутровые тени неряшливо размазались по верхним векам, стрелки почти стерлись, а тушь на ресницах свалилась в комочки.

На прикроватной тумбочке лежали украшения, которые Катя (о чем она сейчас сквозь усталость с трудом вспомнила) заставила ее снять перед операционной – маленький бриллиантовый крестик белого золота на плоского плетения цепочке и пара колец: одно с бриллиантом, другое – тоненькое, обручальное.

– Катя.

– Без отчества?

– Можно без отчества.

– А я – Нина... Слушай, – забормотала, преодолевая очередной зевок, пациентка. – Если вырублюсь, ответь моим, – по-кошачьи мягко перешла она на «ты». – Скажи, все хорошо. Пароль на телефоне: двенадцать ноль два ноль три.

– День рождения ребенка? – копошась на перекатном хирургическом столике, вяло поинтересовалась Катя.

– День сва-а-дьбы, – уже совсем заплетающимся языком ответила Нина. – Пойдите! – окликнула она уже стоявшую в дверях Катю. – Ты... ты только не бросай меня, я тебя хорошо отблагодарю...

Катя уменьшила в палате верхний, потрескивающий в люминесцентной лампе свет, выкаатила вперед себя столик и прикрыла дверь.

Выйдя из палаты, бросила взгляд на большие настенные часы.

Такие часы были типичным атрибутом практически любого медучреждения: охлаждающие своим безразличием, круглые, заключенные в толстый черный обод с белым полем и черным же циферблатом. Примерно раз в полгода здешний завхоз, взобравшись на стремянку, менял в них батарейку.

На первых порах в отделении Катя, по необходимости глядя на них по несколько раз за смену, негодовала – кому же это в Министерстве здравоохранения, составляющем и подписывающем бумаги с перечнем необходимого больничного инвентаря, пришлось в голову подчеркивать разлуку с семьей и домом, для многих просто невыносимую, такими вот убийственно унылыми часами?

Со временем она стала относиться к ним как к чему-то, хоть и не любимому, но в доску своему. Случалось, притормозив в пустом коридоре, она им подмигивала, грозила кулаком, беззвучно жаловалась, а когда батарейка в часах подыхала, она, кажется, была единственной, кто сообщал об этом завхозу.

Была половина одиннадцатого.

Ей давно уже нужно было позвонить сыну, проверить, дома ли он, и для проформы поинтересоваться, сделал ли он уроки.

Сына Катя не любила.

Возможно потому, что так и не сумела раскрыть в себе полноценную женщину.

«Женщина должна быть скромной и в ожидании», – частенько говорила Кате мать. На ее полном, вульгарно подкрашенном, с лоснящимися щеками и носом лице не отражалось ни одной понятной эмоции.

Как-то раз, когда Кате было пятнадцать, мать, осуждая разбитную Катину одноклассницу, девочку из соседнего подъезда, сказала эту фразу при отце.

К тому моменту он был уже пьян.

– Так это женщина, а не кухаркин выблядок! – хохотнул он, нетерпеливо теребя в руках граненую рюмку, а затем окатил дочь оценивающим взглядом:

– А Катька-то у нас вообще какой-то гирмофрандит!

– Гермафродит, – поправила Катя и, схватив со стола свою чашку, поспешила выйти из кухни.

– Сам ебется, сам родит! – загоготал вслед отец.

Мать, в то время еще любившая пропустить с ним вечерком пару-тройку стопочек, расмеялась следом.

К своим материнским обязанностям Катя относилась со всей ответственностью, ведь разделить эту ответственность ей было не с кем.

Когда она вынашивала Борьку, отец, не дождавшись внука, скоропостижно умер от инсульта.

Бухал он всегда и немного сбавил обороты лишь в последние годы жизни, из-за начавшихся проблем с сосудами.

Мать же, сколько Катя помнила, то до синяков – своих или отцовых – ругалась с ним, то постоянно от чего-то лечилась – мочой, травками, иголками, пока не «долечилась» до нетяжелой, но все же онкологии.

Похоронив мужа, мать носилась со своей болезнью как с желанным младенцем.

Между курсами предписанных таблеток все так же баловалась травками, настоялками гриба и ощелачиванием организма.

Помогала мать только в первый год, по вечерам после работы, а как только Борька пошел и хлопот с ним прибавилось, вышла на пенсию и уехала

в деревню во Владимирской области, откуда была родом. В город мать приезжала только на плановый осмотр к врачу.

Собственные болячки и несколько соток перед ветхим домом, с яблонями и картошкой, были для нее несопоставимо важнее, чем Катя с ее довеском.

Отец ребенка – веселый коренастый экспедитор – испарился из Катиного поля зрения сразу, едва узнал от дворовых ребят, что дура-Катка умудрилась от него залететь.

Ей было семнадцать, ему – двадцать два.

Познакомились они в шумном и всегда пьяном вечернем дворе трех хрущевок, включая Катину, уже бог знает сколько лет назад намеченных под снос.

Он был «залетным», появлявшимся в дворовой тусовке лишь время от времени; Катин одноклассник, живший в доме напротив, приходился ему двоюродным или троюродным братом. Одноклассника, мелкого барыгу, попавшего под раздачу в спецоперации ФСКН, посадили раньше, чем пришла повестка в военкомат.

Связь с отцом будущего ребенка оборвалась, да и не искала Катя этой связи.

Студентка медучилища решила сохранить беременность.

Ее решение было продиктовано вовсе не высокой нравственностью и уж тем более не религиозными убеждениями.

В тот самый вечер, когда из принтера УЗИ вылезло фото трехнедельного эмбриона, она, возвращаясь домой, вдруг отчетливо поняла, что живет в Средневековье.

Неожиданно зародившаяся внутри нее новая жизнь была в ее мироздании единственной – а вдруг? – обладавшей хоть каким-то шансом отсюда выпорхнуть.

Катя шла от остановки троллейбуса и, как обычно, глядела себе под ноги.

Кроссовки ее были грязны и растоптаны. Недорогие, чистенькие и модной модели лежали в рюкзаке. Поймав однажды брезгливый взгляд красивой одноклассницы, Катя, подзаработав на уборке офиса, купила новые кроссовки и взяла за правило переобуваться в училище.

Этот спальный столичный северо-западный район, по крайней мере вдоль и поперек изученная Катей его часть – собственный двор и соседние дворы, садик, школа, поликлиника и магазинчики – был отдельным государством, жившим по своим нехитрым и неизменным, вне зависимости от курса доллара и цен на нефть, законам.

Дворовые девки, с утра зазывно-нарядные, любившие подчеркнуть свою гендерную принадлежность накладными ногтями и пластмассовыми ресницами, крикливо матерились почище мужиков.

Как и их прародительницы, еще до совершеннолетия они часто беременели, и к двадцати пяти многие имели по второму, а самые безбашенные – по третьему ребенку.

Парни работать не любили, но вынуждены были это делать с понедельника по пятницу – кто водителем, кто курьером, кто монтажником в какой-нибудь фирмешке по установке дверей и окон.

Не видя выбора, жили дворовые в основном друг с другом.

Матери удручающе рано старели и все свободное от работы или возни с внуками время, как Катина мать, толклись в окрестных магазинах или в районной поликлинике.

С вечера пятницы и по воскресенью молодежь пила, после, напрочь забыв изначальный повод, дралась меж собой или с «залетными», и, вычисляя, где наливают на халяву, перебегала из подъезда в подъезд.

В выходные девки становились крикливее и податливее, а парни – в основном на словах – воинственными и щедрыми.

Еще здесь были старики, со сморщенными лицами, смахивавшими на кору вековых, чудом переживших не один режим дворовых дубов. Неопрятные и тоже частенько хмельные, с вечерним холодком они неохотно уступали молодежи насиженные места на лавочках. Почти в любом разговоре – хоть о политике, хоть о здоровье – старики сетовали, как хорошо было жить при Советах. И часто, противореча самим себе, доставали из шуршащих пакетов и громко нахваливали какой-нибудь дешевый китайский товар, коим изобиловали окрестные магазины.

В медучилище, расположенном ближе к центру столицы, Катя прикоснулась к другому миру.

Многие девчонки из ее группы имели конкретные планы на будущее: после училища поступить в вуз, выучить английский, найти работу за границей.

Мужчины в их матрице, коли о них заходил разговор, были сплошь перспективными, а за их неясными образами очерчивалось богатое на новые краски будущее.

Такие девки почти не матерились и часто украшали свою речь англицизмами. Они обсуждали не только разводы звезд и чьи-то дорогие шмотки, но делились впечатлениями о книгах и фильмах, некоторые даже ходили в театр.

А еще они (и это почему-то больше всего поражало Катю) носили приятные к телу удобные трусы, а не дешевые кружевные стринги из Катиного средневековья.

Контраст, с которым ежедневно сталкивалась Катя, был даже не столько во внешних различиях, дворовых и училищных, сколько в отсутствии у дворовых каких бы то ни было амбиций. Будущие медсестры, многие из которых также выросли не в самых обеспеченных и благополучных семьях, были любопытны до большого мира, а дворовые все поголовно, добровольно заперев себя в средневековье, шли по накатанной предками дорожке.

Катя чувствовала себя везде чужой, полезной только в моменте, ненужной самой себе.

Угрюмая задумчивость дворовых, их скорые радости и печали, их лень, мелочность и узость взглядов отзывались в ней сосущей тоской.

Девочек же из училища она побаивалась, будто ощущая отграничивавший ее от всех круг, мешавший шагнуть навстречу одной из ярких птичек, с кем хотелось по-настоящему сблизиться, ведь в это понятие — «сблизиться» – Катина пугливое подсознание вкладывало нечто большее, чем заумную болтовню и походы в театр.

Решение оставить плод было во многом эгоистичным.

Появление ребенка, принадлежавшего (как она полагала) ей одной по крайней мере в ближайшие восемнадцать лет, открывало дверцу в новый мир, где ее существование приобретало безусловную ценность.

Беременность протекала тяжело. Не только Катино тело, но и грубоватое, с отцовскими чертами лицо в первом же триместре приобрело непроходившую отечность, начались проблемы с желудком и зубами.

Когда живот уже было не скрыть под одеждой, дворовые кумушки всех возрастов начали заваливать ее вопросами и тут же давать непрошенные советы.

Мать с отцом, будто не самые приятные соседи по коммуналке, все так же ежевечерне толклись на кухне, смотрели ток-шоу, выкрикивая что-то телевизору, теперь уже втихаря, чтобы не злить беременную, пили водку и чуть меньше ругались.

Училище, которое Катя продолжала посещать до восьмого месяца беременности, стало для нее отдушиной. Погружаясь с головой в теорию и практику сестринского дела, несмотря на свое положение, она не только не уставала, но и напитывалась необходимой энергией, которую родное средневековье умудрялось высосать за какой-нибудь пятиминутный разговор.

С годами Катя приучилась относиться к себе и людям безоценочно.

Работа в гинекологическом отделении, куда повезло попасть на практику сразу по окончании училища, а после закрепиться на постоянной работе, требовала от нее ежеминутной собранности и быстроты реакций, эмоциональной отстраненности и умения взять на себя ответственность или вовремя перенаправить ее на старших по званию.

Средневековые все так же пили, сходились-расходились, бывало, умирали, не дотянув и до сорока, а представительницы таких же средневековых окраин, типажи которых Кате были знакомы до мельчайших жестов и интонаций голоса, иногда попадали к ней в отделение.

Звонкие птички из училища, после выпуска разлетевшиеся по медучреждениям города, с годами подрастеряли свои амбиции.

Самые успешные позже получили дипломы косметологов, более-менее удачно вышли замуж, а неприметная некогда толстуха Пилюгина, если верить соцсетям, заделалась модным инстаблогером.

Закончить вуз и стать врачом удалось только одной из выпуска; три сокурсницы, не ленившиеся учить иностранные языки, нашли по специальности работу в Европе.

Мечта Кати – выцепить свое чадо из средневековой трясины – приобретала реальные черты: ее незаметно подросший сын не прибил к дворовым и все свободное от учебы время проводил за компьютером или в школьной футбольной секции.

Впрочем, для молодой средневековой поросли это стало трендом – новое поколение все реже разменивалось на пустое уличное времяпрепровождение, общение перешло в чаты, а водку и сигареты многим заменил вернувшийся в моду спорт.

Но неумолимо набирало силу еще одно зло – дешевые синтетические наркотики, и допустить, чтобы это зло затронуло ее худющего, по-обезьяньи длиннорукого, с россыпью угрей на лице сына, Катя не могла.

Остановившись перед дверью в сестринскую, она настрочила в ватсапе коротенькое сообщение:

«Ты дома?»

Чтобы не пропустить ответ, включила на мобильном громкость.

В сестринской ожидаемо восседала за столом санитарка, которую за пристрастие к курению дешевых крепких сигарет, грубый голос и сердитый взгляд персонал клиники прозвал Блатной. В обход всех правил и с молчаливого согласия руководства эта похоронившая мужа и давно выростившая сына женщина, жившая в области, частенько оставалась в клинике на ночь. Спала она в сестринской, на старом протертом диванчике. Дежурившие по ночам сестры

обычно наскоро мылись в одной из пустовавших «коммерческих» палат; Блатная лишь чистила зубы здесь же, в сестринской.

На столе стоял новехонький электрический чайник – подарок от отделения Кате на день рождения – и две разномастных чашки. Блатная, словно заранее чувствуя, когда появится Катя, загодя заваривала в ее чашку спрессованные в пакете, красиво разрекламированные по телеку чайные опилки.

– Вот и стало ясно, кто хороший человек, а кто говно. Этот вирус всю сущность из людей вытащил, – ворчала санитарка, осторожно откусывая левой, пока еще зубастой частью своего рта от обломка шоколадной плитки.

Вполуха слушая, Катя, по обыкновению, молчала.

Она думала о сыне и об этой Нине.

Беспокойство за Борьку вызывало обычное раздражение, а мысли о Нине – теплой и гладкокожей, смотрящей сейчас свои наркозные сны, лишь усиливало его.

– Так-то вот, Катюша. Пацанов с ней вместе вырастили, с внучкой ее сидела, а она мне: «Стой на пороге! Мы соблюдаем карантин!». Перчатки по локоть и тряпка черная на пол-лица. Я ей говорю: «Ивановна, да в нашей в клинике ковидных нет!» – а она миксер мне сует и дверь перед носом хлоп!

Катя взяла из железной банки – подарка недавно выписавшейся пациентки – круглую песочную печеньку. Она привыкла есть на ходу.

Катя, конечно, догадалась, что Блатная жаловалась на соседку.

У Кати тоже была соседка. Ходила всегда без перчаток и маски, ей сам черт не брат.

– Не, моим миксером целый год пользовалась, чтобы торты свои на продажу делать, а как раскрутилась, сучка, и свой купила, даже спасибо не сказала!

Катина соседка ничего сложнее яичницы приготовить не могла.

Ей бы, поэтессе, в Париж, ей бы кататься в пролетке и, хохоча в ухо то одного, то другого толстосумного поклонника, пить на ласкающем ветерке шампанское. Ей бы в любовники промотавшегося картежника-графа, ей бы соболиное манто на плечики... А еще ложу в опере, рассвет на берегу Сены и поздний завтрак на круглом столике в хрустящей крахмалом простыней постели.

Катя вдруг вспомнила, что еще третьего дня обещала занести соседке Ируське халявных материнских картошки и яблок.

– Че, как ремонт-то твой? – без интереса любопытствовала Блатная.

Сегодня целый день перед тем, как выехать в клинику и заступить на смену, Катя занималась разборкой коридора и своей комнаты – упаковывала вещи в коробки. Напоминание о предстоящем ремонте отозвалось нытьем в пояснице.

– Еще не приступили. Подготавливаю квартиру.

– Ты поаккуратней давай с этими молдаванами!

– Они белорусы. Дворники наши местные. Муж и жена.

– Все равно за ними глаз да глаз. Ценности из дома забери, когда они там шуровать начнут.

– У меня их нет. Ценностей.

– А что у тебя есть? На жопе шерсть? Редкая, но своя?

В ответ на грубую шутку Катя лишь вяло улыбнулась.

– Ладно... Пойду перекурю – и на боковую, – пробурчала Блатная и, взяв со стола магнитный ключик от лифта для сотрудников, пошоркала к двери.

– Давай, – перебирая в коробке печенье, машинально отозвалась Катя.

Возле двери стоял заранее заготовленный санитаркой пакет с алюминиевой миской и котлетами, недоеденными больными в обед. Зацепив пакет крючковатыми пальцами, санитарка вышла из сестринской.

Не успела Катя сунуть в рот вторую печеньку, как в кармашке ее форменной блузы раздался сердитый писк.

«Дома. Поел. Скоро ложусь».

«На тренировке был?»

«Да».

«Ок. На завтрак ешь йогурт. Он в холодильнике».

Жуя, Катя подошла к раковине, вымыла руки и тщательно вытерла вафельным полотенцем. Вернувшись к столу, достала из кармашка брюк Нинкин мобильный. Заняв на время удобный, со спинкой, санитаркин стул, набрала код-пароль.

Личную жизнь Кате заменяли безобидные влюбленности.

Пару раз в год судьба подкидывала ей в отделение подходящий объект, такую вот сложносочиненную, как эта Нина, натуру, не выношенную кухаркой из средневековья, но вылепленную по проекту умелого скульптора.

Она, как и все предыдущие объекты, несла в себе неуловимую, недоступную Кате загадку женской сущности.

В манере даже в порыве эмоций обращаться на «вы», в тоненьком дешевом обручальном колечке, в небрежно брошенной на стул дорожкой сумочке, в аромате волос, в очаровательной нахрапистости и тут же, следом – в наивности, с которой она назвала пароль от своего телефона, Катя считала интереснейшую своими противоречиями историю чужой жизни, к которой, без раздумий, взяла на себя право ненадолго стать сопричастной.

Блатная должна была вернуться не раньше, чем минут через пятнадцать.

Катя знала, что, подкармливая бродячую собаку, прибившуюся во двор клиники, санитарка выкуривала подряд две, а то и три сигареты.

Отхлебнув из чашки, Катя сразу нашла фотоприложение, иконка которого – цветок-семицветик – была ей знакома по старенькому Борькиному айфону.

Перед глазами запестрели квадратики картинок.

Она отмотала к началу – первое фото датировалось мартом этого года.

На нем Нина, державшая в руках охапку роз, была в коротком цветастом халатике. Лицо ее было не накрашено и по-утреннему свежо.

Она принадлежала к тому типу женщин, которых косметика делала ярче, но старила на несколько лет – на всех последующих, сделанных в те же минуты снимках, в камеру смотрела шкодливая девчонка. Материнство и истинный возраст выдавали лишь слегка поплывшая талия да чуть-чуть жирка на коленках.

Теперь Катя знала, что на восьмое марта муж приносит Нине в спальню внушительную охапку роз. Что ж... На его месте она заказала бы ей корзину голландских подснежников.

А вот и муж – ушастый, с маленькими, темными, пылливо-недобрыми лазами, еще не старый с больно заумным выражением лица, в этот же день, за столиком в ресторане рядом с успевшей нацепить на себя броню Ниной. Здесь лицо уже подкрашено, плечи оголены, на ней бархатное черное платье и кулончик с изумрудом на тонкой цыплячьей шейке.

Следующие снимки сделаны в середине марта – на них сахарели горы, укрытые голубой глазурью неба. Нина была запечатлена вдалеке, в каком-то скучном серо-желтом лыжном костюме. Вероятно, она хорошо каталась, раз не кривлялась, от нечего делать, перед камерой.

Зато в ресторанах, которые она посетила на этом, судя по меткам над фото, итальянском курорте, она была похожа на милую нарядную кошечку, особенно в своей шерстяной, щедро расшитой жемчугом серой кофточке.

Весь пандемийный апрель и май Нина фотографировала в основном еду, детей, какую-то лохматую улыбчивую собаку и природу.

Пасхальный, усыпанный разноцветным бисером кулич, пестреющие всеми цветами детской акварельной палетки яйца, здоровенная рыба в фольге. В центре накрытого кружевной скатертью круглого стола – красная лампадка и маленькая иконка на подставке – Богородица с Младенцем.

А вот Нинкины детки, мальчик и девочка, сидят за столом. На лицах — безмятежные улыбки, девочка – копия отца, она совсем некрасива, но, окутанная маминой любовью, похоже, об этом вовсе не думает. У очкастого, похожего на Нинку мальчика лет восьми на зубах брекеты.

Судя по хороводу березок и топкой, недавно освободившейся от снега земле на следующем фото, семья жила за городом. Об этом свидетельствовали все последующие снимки – хрупкие почки на тонких тугих ветках, буйство белой и фиолетовой сирени, тюльпан, победно взметнувший свой желтый фонарик над черной рыхлой землей палисадника. И снова лес – тропинка, озаренная утренним светом, речушка, островок первоцветов и мохнатая собака, валяющаяся на изумрудной траве.

Дальше шла бесконечная вереница скриншотов одежды, продающейся на сайтах.

Скромная маечка, на которую положила глаз Нина, стоила треть Катиной зарплаты, а бестолковая бархатная темно-зеленая сумочка на серебристом замке-поцелуйчике – полторы.

Пытаясь представить, какой эта сумочка могла быть на ощупь, Катя закрыла глаза и, растопырив толстые пальцы, провела ими по воздуху.

В конце июля, зацепив и август, Нина с семьей побывала в Сочи.

Бурое море, магнолии, пальмы и снова кабаки – Нина с размывшимся в кадре мужем, Нина без мужа в серии не слишком удачных селфи.

На одной из фоток Нина позировала в бикини. Катя раздвинула пальцами экран – теплый, мягкий, уже загорелый животик Нины настойчиво требовал прикосновений.

Скрипнула дверь, и в сестринскую, тяжело дыша открытым ртом, зашла Блатная.

– Блядство, а не погода, – ворчала она, вынимая из пакета грязную собачью миску.

– Почему без куртки выходишь? Здоровье деть некуда? – Катя покосилась на ее подмокший халат и быстро сунула чужой телефон обратно в карман.

– Дык тепло еще час назад было.

– А три часа назад дык было еще и светло.

Катя встала и начала спешно прибираться на столе.

– Че, на пост-то когда пойдешь? – скинув мокрый халат и оставшись в несвежей, белой, с красной эмблемой спартаковского клуба футболке, санитарка открыла кран и принялась скрести ногтями миску.

– Черт! – хлопнула себя по лбу Катя. – Мне капельницу давно пора снимать.

Выходя из сестринской, она укоризненно бросила Блатной:

– Ты бы хоть в туалете антисанитарию свою намывала.

– Давай, иди уже... Без сопливых скользко, – беззлобно буркнула санитарка.

Вернувшись в девятую палату, Катя застала там безмятежно сопевшую Нину.

Освободив ее руку, неестественно застывшую на подушке, от иглы, Катя, прежде чем выключить свет, постояла над спящей.

Нина, как и все взрослые бабы этого мира, вжилась в свою роль.

Несправедливо кем-то прописанный для многих побывавших и находившихся в этом отделении сценарий отвел ей место в нарядной массовке, что было не так уж мало.

Ей освещали путь надменные огни престижного загородного шоссе, модели ее сумочек вычерчивали заморские кутюрье, ей дарили цветы и украшения, а самое главное – она знала слова заветной песенки, которых почему-то не сообщили Кате.

Катя, стоявшая, как и несчетное количество других на подхвате за кулисами, была лишь той, кто эту сцену обслуживал.

Чем-то неуловимым Нина напомнила Кате одну девчонку из училища – маленькую юркую Диану, или, как все ее звали – Динку.

Она была смешливой и громкой, с такой же узкой, как у Нины, грудной клеткой и открытой, глуповатой, обнажавшей десну улыбкой.

Что бы она ни болтала, это почти всегда вызывало у окружающих беззлбный смех, а говорила Динка много, и редко по делу.

Однажды Катя застала ее в туалете – та горько рыдала у грязного, покрашенного наполовину белой масляной краской окна.

Не зная, как действовать, Катя подошла к Динке и присела рядом на подоконник.

Отсморкавшись в серый клочок туалетной бумаги, девушка уставилась на Катю.

Веки, с выступившими на них тоненькими голубоватыми прожилками, набухли от слез.

Всегда легкая в общении с кем бы то ни было Динка глядела на Катю так, как, должно быть, осужденные смотрят на прокурора. Словно это именно она, обрюхаченная случайным мужиком Катя, олицетворяла все зло мира и была живым доказательством тщетности любых попыток что-либо изменить, тем, кто режет скальпелем крылья и топчет грязным кроссовком мечты.

Текли минуты, казавшиеся Кате растянутыми обнаженными нервами.

Динка, не выдерживая пристального Катиного взгляда, то снова сморкалась, то утирала глаза. Постепенно выражение ее лица стало смягчаться, расправились носогубные складки, приподнялись набрякшие веки и, наконец, рот растянула широкая улыбка.

– Как ты? – кивнула она на Катин конусообразный живот.

– Справляюсь, – ответила Катя.

– Хорошо... Ты молодец. А я решила – оставлять не буду. Без любви семьи нормальной не получится. – В ее голосе звучали поучительные интонации народной свахи с Первого канала.

– А чем тебе ребенок не семья?

– Так я хочу, чтобы все как надо... Как положено.

Скрывая усмешку, Катя привстала.

Надо ли рассказывать Динке, у которой папаша владеет автосервисом, приносящим семье хороший доход, о том, что «как положено», то есть с мужьями-алкашами, живут почти все девки в ее средневековье?

Чем больше водки – тем больше любви – абстрактного, притянутого старушечьей палкой понятия, а на самом деле всего лишь свода нехитрых законов средневекового сосуществования.

Динка, дурында, не понимала, что трудяга-отец выиграл для нее у судьбы в лотерею.

Он мог нанять ее ребенку няньку, мог отправить ее учиться в вуз за деньги.

У Динки были все шансы стать врачом, ее сын или дочь могли бы с гордостью писать сочинения на тему «Моя мама – доктор».

И в этой конструкции вполне можно обойтись без мужика.

Так думала Катя, когда ей было восемнадцать...

Теперь же, глядя на спящую Нину, она понимала: не имея опыта отношений с противоположным полом и с самого начала оказавшись «не в теме» в такой важной для большинства женщин сфере, решать за других легко.

Беременность Динка не сохранила.

Примерно через год она стала встречаться с другом отца, который был старше ее на двадцать лет, и бросила училище.

Выходя, Катя выключила в палате свет.

Откатив капельницу в процедурную, решила на несколько минут выйти подышать свежим воздухом. Прощмыгнув в сестринскую, где уже ворочалась на диване Блатная, схватила со стола магнитный ключик и быстро, дабы избежать любых возможных вопросов, выскочила обратно в коридор.

Пройдясь вдоль палат, Катя убедилась, что в ее царстве тихо.

Отделение, взяв передышку между операциями, уколами и капельницами, смотрело сны о далеких, теперь, в связи с пандемией, малодоступных курортах, о родительских чатах, репетиторах, распродажах и доставках, о квартплатах, банковских вкладах и денежных записках.

И, конечно, о мужчинах – осточертевших и нежно любимых, законных и тайных, поголовно напуганных новым витком нестабильности, накрывшей мир с приходом пандемии.

Спустившись по лестнице на первый этаж, Катя с силой вжала заедвавшую металлическую кнопку и, дождавшись писка, толкнула дверь.

Крыльцо черного хода освещала одна-единственная, вмонтированная в потолок грушевидная лампочка. Капли мелкого осеннего дождя, похожие на мошкору, бесились под ее жидким, цвета мочи, желтоватым светом.

Катя почувствовала, как тянет внизу живота – завтра к вечеру у нее должны были начаться месячные – совершенно лишней, в отсутствие половой жизни процесс, который после родов она окрестила для себя «рудиментарным».

В кармане брюк Нинкин телефон едва слышно издал металлический бряк.

Катя достала его и, набирая код-пароль, раздумывала, что бы ответить на сообщения Нинкиной родни и стоит ли отвечать – на часах было уже полдвенадцатого.

«Дорогая, ну как ты? – запоздало беспокоилась в ватсапе какая-то «Яна-Кони». – Что сказал врач?».

Катя залезла на главную страницу мессенджера.

В чате с названием «гимназия 131» висело девять непрочитанных сообщений. Родительские обсуждения текущих школьных дел, коих у Кати в подобном чате у самой было в избытке, не вызывали ни малейшего любопытства.

Она полезла в чат ниже, с «любимым».

«Милушка моя, мой огонечек, все будет хорошо! Петровна мне все рассказала. Ты только не волнуйся! Я звонил нашему Виктору Анатольевичу, он сказал, это не страшно! Главное, что вовремя прооперировали. Завтра с утра примчусь, прорвусь к тебе и принесу твой любимый «Наполеон». Люблю».

На сообщение мужа, отправленное в десять тридцать пять вечера, Нина, конечно, не ответила – телефон уже был у Кати.

Быстро проглядев их переписку, Катя удостоверилась, что Нина, заботясь о нервной системе мужа, летевшего во время операции в самолете, не сообщила ему подробности визита к врачу и поставила об этом в известность (как и сказала Кате) только сидевшую с детьми няню.

«И почему их, козлов, всегда берегут?! – недоумевала Катя. – Что за подвиг такой? Ради чего эта героическая щепетильность?»

На мониторе висело еще одно неоткрытое сообщение с не занесенного в контакты номера.

Раздумывая над тем, что ее вообще-то волновать не должно: как именно Нинкин муж собирался в условиях строжайшего карантина «прорваться» в их отделение, Катя машинально ткнула в сообщение пальцем.

«Отпусти его. Он давно тебя не хочет. Ты еще не старуха, найдешь себе мужика. Поживи сама, дай пожить и другим».

– Оба-на! – невольно вырвалось у Кати.

Мошкара из дождевых капель, обдавая лицо липкой влагой, злобно кружила под фонарем. Где-то в дремавшем парке, в глубине деревьев, угрожающе глядевших на нее из тьмы и словно слипшихся в одну темную массу, пряталась от ненастья собачонка Блатной – невероятно пугливая дворняга с вечно опущенным облезлым хвостом.

В чате, кроме этого, пропущенного Катей вместе с другими сообщениями послания, ничего больше не было.

Постояв с минуту с зажатым в руке телефоном, она брезгливо пихнула его обратно в карман и подмерзшими от уже ощутимого холода пальцами набрала заветный для больничных курильщиков код от черного хода.

Поднявшись на этаж, Катя снова прошла по коридору отделения.

«Делать или не делать прививку?», «Вдруг зацепит родителей?», «А если он меня, больную, теперь разлюбит?» – просачивалось из дверей от тех, кто так и не смог уснуть и дырявил глазами темноту.

«Какие же они все дуры... – думала Катя. – Их пользуют, как хотят, лгут им – в большом и малом, они все свои болячки наживают в переживаниях за этих двуногих животных! А двуногие зачастую даже не знают, как хотя бы физически удовлетворить этих дур... Бегают от матки к матке, и не ради счастья, а ради самоутверждения».

Остановившись у своего поста – большого и серого, с ячейками для бумаг внутри полукруглой панели стола, она решила еще раз проверить сына.

Достав телефон, удивилась, что не видит их последней переписки.

И только пролистав ленту сообщений, поняла, что снова держит в руках не свой, а Нинин телефон.

Катя вернулась в сестринскую.

Блатная, издавая открытым ртом отвратительный храп, дрыхла на диване.

Большой свет был выключен, над раковиной едва горел светильник с подыхающей, требовавшей замены лампочкой.

На столе, рядом с коробкой печенья, лежал забытый Катей мобильный.

«Лег?» – отстучала она сыну.

«Давно», – через пару минут откликнулся он.

«Врешь! – с раздражением подумала Катя. – В компе, говнюк, сидишь».

Осторожно, чтобы не разбудить чутко спящую, несмотря на обманчивый храп, Блатную, Катя прокрутила по часовой стрелке ключ в замке шкафчика и достала оттуда бутылку со спиртом.

На подоконнике стояла недопитая бутылка «Святого источника».

Вылив остатки чая в чашку Блатной, Катя плеснула в свою чашку граммов двадцать спирта и развела его водой примерно один к трем.

«Антиковидные!» – подбодрила себя она.

Алкоголь она никогда не любила. Быстрый и «бычий» кайф средневековья не приносил ей ни веселья, ни успокоения, а лишь делал голову пустой и какой-то дурной.

Но ради своей соседки ей иногда приходилось идти на компромисс и, давая во рту горечь, пить с ней водку, выслуживая перед ней звание единственно верной подруги.

Выпив залпом, Катя, за неимением другой закуски, затолкала в рот очередную печеньку.

Уставившись в спину Блатной, прикрытую тонким, колючим больничным одеялом, Катя пыталась понять, какие чувства вызывает в ней невольно прочитанное в чужом телефоне.

Спирт успел слегка затуманить сознание, высвобождая глубинное, истинное, то, к чему она сейчас хотела прислушаться.

С раннего детства ей запрещали выражать свои потребности и эмоции, заставляя делать то, что хотели от нее другие.

«Тебе не холодно, не ври!» – отмахивалась от нее, еще маленькой, но уже нескладной и некрасивой, мать, болтая с соседкой на лавке.

«Здесь негде писать, потерпишь до дома!» – тянула она ее из парка.

«Месячные – это не болезнь. Вставай и уберись в квартире!».

«Не умничай! Мы с отцом не для этого жизнь прожили, чтобы ты, начитавшись книг, нас еще тут учила!» – Эти и им подобные фразы с детства стали для Кати частью привычной среды сосуществования с другими людьми.

В школе и медучилище девчонки поддевали ее за мальчуковую внешность и усердие в учебе, дворовые – за замкнутость и нежелание разделять с ними нехитрые радости жизни.

Она давно уже привыкла не обижаться, когда обижали, привыкла не верить брошенным вскользь пустым обещаниям, не принимать близко к сердцу критику и даже хамство.

Вот только Нинка была другой – обезоруживающе хрупкой и восхитительно эмоциональной.

Неизвестная – наглая, беспринципная, и, вероятно, красивая, в этот ничем не примечательный стильный сентябрьский вечер намеревалась грубо столкнуть ее со сцены.

Катя попыталась во всех красках представить, как зайдет в палату, как вожмет клавишу верхнего света, тычком в плечо разбудит Нину и сделает то, что должна, – ткнет лицом в спасительную для ее женского достоинства правду. И мир Нины – где если и травились, то несвежими устрицами, а пьянели только от холодного, по несколько тысяч за бутылку шампанского, – этот праздничный мирок с повседневными футболочками по двадцать тысяч штука, шатнется и поплывет из-под ее все еще стройных загорелых ног.

Но рядом будет она, Катя!

Подперев своим крепким пацанским телом потерявшую равновесие Нину, она не даст ей упасть в разверстую под ногами яму, не позволит скатиться до импульсивных действий, запретит звонить сплетницам-подругам, отговорит тревожить с утра скверной новостью пожилых родителей и уж тем более детей.

Всю ближайшую неделю, которую Нине предстоит провести в отделении, Катя будет рядом – ради этого она даже договорится, сославшись на ремонт в квартире, взять чужие смены.

Она, невольная свидетельница ее женского краха, станет для Нины незаменимой.

Для начала ласково вколет ей лежащее в кармане наготове успокоительное.

Не слушая грязных ругательств, оскверняющих Нинины мягкие губы, Катя, сжав ее тонкую ручонку в своей, будет молча поглаживать ее запястье.

Она оставит на посту записку, что находится с экстренной пациенткой в девятой палате и, не смея заснуть, кляня носом, просидит подле больной всю ночь.

И будет видеть с ней те же самые, потекшие наружу из раскупоренной предательством мужа души, тревожные сны.

Под утро она вернется на пост.

В семь утра, с привычно затекшей после смены шеей и разламывающейся от долгого сидения поясницей, зайдет на кухню и попросит Алку, разносчицу еды, отбирать для девятой лучшие – не пригорелые и хорошо прожаренные куски.

Затем зайдет к дежурному врачу и велит выписать новенькой курс успокоительного.

А если Нина курит, Катя, рискуя получить выговор от старших, организует ей запретную, особо при нынешнем карантине, вылазку с черного хода, где будет терпеливо стоять рядом, пялиться на дождь и, роняя скупые слова, рассказывать про собачонку Блатной.

«Наполеон» – подачку муженька-Иуды Катя вместе с остальным содержимым посылки отдаст Блатной, а в обед, взяв у Нины деньги и уже совсем грубо нарушая здешний протокол, сбегает за ее любимой едой в соседнюю «Азбуку вкуса».

Раньше, чем через шесть дней, как бы Нина ни рвалась к детям, ее все равно не выпишут.

Катя будет приходить к ней «законно» – ставить и снимать капельницы, измерять сатурацию и давление, колоть антибиотик, и еще «незаконно» – в любую свободную минуту.

И за эти дни их души, как у бойцов, волею случая оказавшихся в одном окопе, невольно склеятся.

В день выписки она, конечно, будет рядом.

Похлопочет, чтобы не тянули со сбором документов, проводит до лифта, где Нина в своей расшитой стразами кофточке упадет ей на грудь, прижмется мокрым, свеженакрашенным глазом к ее щеке, а после, нехотя разомкнув объятия, оставит свой номер телефона.

У Кати начнется новая жизнь.

Выходные она будет проводить со своей подругой, ослабленной и беззащитной перед лицом неведомой прежде людской грязи.

Уже неофициально она проколет ее восстанавливающими витаминами, а там, чем черт не шутит, устроится к ней сменщицей старой няньки по выходным...

Под Катиним твердым принципиальным взглядом они соберут чемоданы изменщика и, не слушая лживых слов, вытолкают его вон.

И всю долгую, грядущую стылую осень они, освободившиеся от ненужного балласта, будут развлекать ни в чем не повинных, избалованных и шумных Нининых детей – полные энтузиазма, пойдут с ними в кино, и в цирк на Вернадского, и в молл на аттракционы.

В один из вечеров, уложив детей, Катя и Нина будто невзначай – под терпкий, с бергамотом чаек с «Наполеоном» – придумают бизнес: Катя уволится из клиники и выучится на флориста, а Нина станет акционером их маленького кооператива, пиарщицей и его «лицом» в инстаграме.

Как бы могли развиваться дальше события, Катя и думать не смела.

То, что едва было сейчас прикрыто казенной рубашкой, то, на что до операции она, замотанная делами, не обратила особого внимания, то, чем посмел поступиться Нинин ушастый муж, ощущалось недоступным раем, пропуск в который даже в самой нелепой, закрытой на семь поржавевших замков фантазии, не мог быть ей выдан.

Мечтая, Катя не заметила, как покинула сестринскую и добрела до поста.

– Русакова, тебя почему на посту не было? – Слишком громкий для этого часа и места мужской голос расколошматил вдребезги напрасную, но такую пленительную, наполнившую уставшее тело энергией, фантазию.

К ней вразвалочку приближался дежуривший в эту ночь Василий Павлович.

Свободного края белые хлопковые брюки не могли скрыть очевидной кривизны коротковатых ног, а из треугольного выреза форменной блузы проглядывала почти безволосая и почему-то особо неприятная из-за мелких светло-коричневых родинок бледная грудь и шея с тонкой золотой цепочкой.

Когда Василий Павлович, остановившись от нее в паре шагов, широко расставил ноги, Катя была почти уверена, что сейчас он почешет у себя между ног.

Но он лишь прикоснулся кистью руки к блестящим от жира губам и утер лоснящийся от недавнего перекуса рот.

– Понимаю, с Блатной чай распивать в сестринской всяко приятней, чем выполнять свои прямые обязанности. Кстати, почему она опять здесь ночует? – задал он ненужный, давно не имевший ответа вопрос.

Василий Павлович работал в отделении чуть меньше года, и за это время, когда у них с Катей совпадало дежурство, не произошло никаких особых происшествий, но она с самого начала испытывала к врачу антипатию, и это было взаимно.

Этот молодой еще врач с замашками отставного прапорщика скорее всего чувствовал, что ей смешны его пустые придирки.

Проработавшая в отделении двенадцать лет Катя разбиралась в психологии больных, диагнозах и способах лечения несопоставимо лучше, чем этот хамоватый, презрительно относившийся ко всему женскому роду мужик.

По слухам (а Блатная знала здесь все, включая судьбы залетевших в форточки мух), Василий Павлович, едва получив у них должность, уже подыскивал себе местечко в коммерческой медицине.

– В девятую надо бы успокоительное выписать, – отчеканила она.

– А что там, в девятой? Тетки буняют? – сверлил он ее бесцветными, в обрамлении белесых ресниц, глазами.

– Стресс. Послеоперационный. В девятой.

– А-а-а, так это в платной... – многозначительно протянул он явно для того, чтобы и дальше вымучивать бессмысленный диалог.

– В платной, да. Маргариты Семеновны экстренная пациентка.

Что-то быстро прикинув про себя, Василий Павлович великодушно-презрительно мотнул светлой головой, с аккуратной зачесанной ранней проплешиной:

– Ну... и дай ей полтаблетки феназепама.

Кандидат медицинских наук Маргарита Семеновна Бережная, принимавшая в клинике на первом этаже, отправляя в стационарное отделение пациенток, продолжала зачастую излишне въедливо держать под контролем как своих подопечных, так и врачей, их лечивших.

Эта мягкая в манерах, худенькая, востроносая, возрастная женщина за долгие годы работы в клинике поставила себя так, что даже формально не подчинявшийся ей заведующий стационарным отделением Поздеев (фамилию которого иногда обруганный им младший персонал цинично и беззлобно, в контексте своей специализации, коверкал) старался с ней не конфликтовать.

– Лучше уколоть супрастин, – возразила Катя.

– А что она, и рта уже не разжимает? – издевался Василий Петрович.

– Вам жалко укол выписать? – Катя прошла к столу и, повернувшись спиной к дежурному врачу, чтобы чем-то себя занять, демонстративно открыла Нинкину карту.

– У нее аллергия в анамнезе. На цитрусовые. После операции ввели два антибиотика и препарат железа. Лучше уколоть супрастин, – беспристрастно продолжала она.

– Ну так и уколола бы! Или мы что, отека ждали?

– Назначено не было.

– Назначу, назначу... Бюрократка ты наша, – с королевским одолжением ответил этот шут и, круто развернувшись, наконец двинулся в сторону своего кабинета.

«Пожрал и спать сейчас ляжет...» – слушая удаляющиеся шаги, подумала с неприязнью Катя.

Она вдруг поняла, что именно в этом человеке ее отталкивало.

Тот же Поздеев, случалось, тоже разговаривал с ней и остальным персоналом приказным тоном, мог даже сорваться на крик, но в его поведении, в отличие от дежурившего в эту ночь, не было ни тени превосходства.

Аркадий Пантелеевич, как и Катя, как многие здесь, вот та же Блатная, делая свою работу, отдавал ей часть себя. Для большинства сотрудников клиники работа была существенной составляющей жизни, а для Василия Павловича – такой же временный запасной аэродром, каким для гулящего мужа является квартира неединственной любовницы.

Пытаясь прикрыть безразличие, граничащее с непобедимой психологической брезгливостью к женской физиологии, он напускал на себя важность, для натуральности разбавляя ее казарменной фамильярностью.

На столе осталась лежать раскрытой карта Нины.

Усевшись на стул, Катя направила на нее успевший нагреться металлический абажур загодя включенной лампы.

Нине было даже больше, чем она предполагала. Через восемнадцать дней у нее был юбилей – сорок пять.

Судя по возрасту детей, брак с этим ушастым горе-блядуном, возможно, был не первым. Зато, как уверила себя Нина, счастливым.

«Вот зачем они все так думают? Заставляют себя так думать!» – негодовала взвинченная после общения с Василием Павловичем Катя.

«Неужели она не понимает, что сцена, на которой ей якобы посчастливилось выбить себе крошечный клочок, это всего лишь тюрьма?»

Расфуфыренные примы, скрывающиеся от публики в закрытых частных клиниках, приговорены к пожизненному. Они не имеют права на чувства и поступки, которых не ждет от них публика. А если вдруг рискуют опрометчиво их обнажить, это тотчас становится всеобщим достоянием. Жить, чтобы казаться, чтобы соответствовать! А такие, как Нинка, надышавшись пыльной пудры от париков статистки в задних рядах, добровольно идут мотать свой срок, да еще и грызутся меж собой за это право».

С левой, противоположной от кабинета дежурного врача стороны коридора слышались шлепки.

Катя, потерев затекшую шею, заставила себя повернуть голову.

Плетущаяся по коридору была в резиновых тапках на босу ногу.

Она сразу узнала Бекмамбетову, та лежала в их отделении уже вторую неделю.

Бекмамбетовой – полной, неважно говорящей по-русски, удалили матку.

У нее были диабет, панкреатит и чего-то там еще (от усталости не смогла сразу вспомнить Катя)...

За Бекмамбетову хлопотали, возможно, даже заплатили врачам – Блатная болтала, что та служила прачкой в доме какого-то замминистра.

Придерживая рукой низ живота, Бекмамбетова остановилась и стала сверлить Катю своими темными, выпученными, как у коровы, глазами. Затем потыкала свободной рукой в живот.

– Ба-а-лит... – В ее глазах застыли колючие слезы.

– Где у тебя болит? – нахмурилась Катя.

Вечером, как она и без записей помнила, больная получила два антибиотика и внутримышечное обезболивающее.

– А, та-а-м...

Катя глядела на пятнистые велюровые лосины и удивлялась тому, что кто-то додумался сделать из некогда популярного и в ее средневековье принта модель такого большого размера.

Переведя взгляд на отличного качества майку с большим красным сердечком посередине, Катя отметила на белом хлопке заметные не отстиравшиеся буроватые пятна – от кофе или красного вина.

– Ба-а-ли-ит, – продолжала поскуливать Бекмамбетова.

Здесь постоянно жаловались на боль.

При вынужденном отсутствии любых других забот болезнь и, как ее следствие – боль, часто становились единственным, чем жили здесь женщины.

Счастливым или наивным, как эта Нина, надежда на скорое воссоединение с любимыми давала силы, жизни одиноких и неустроенных, напротив, болезнь придавала какой-то понятный смысл.

– Ладно, – почесав ручкой за ухом, пробурчала Катя, – до процедурной-то дойдешь?

Всадив в мясистую попу еще одну дозу обезболивающего и сунув в ее пятерню полтаблетки феназепама, Катя, тщательно вымыв руки и старательно игнорируя причитания Бекмамбетовой на неизвестном языке, довела больную до палаты.

– Ложись спать. Утром врачу расскажешь, где у тебя болит, – сухо уронила она в сторону пятнистых лосин.

Поясница еще сильнее заныла.

Прежде чем вернуться на пост Катя зашла в сестринскую и взяла со стола забытый там ключ от туалета для сотрудников.

В туалете висел спертый дух старой канализации, хилые лампочки едва горели, а допотопные, с бачком на стене унитазы хронически подтекали, как когда-то в училище. В бюджетах на ремонт здания места общего пользования для рядовых сотрудников значились в конце списка, и денег на них никогда не хватало.

Не успела она натянуть штаны, как в кармане переливом арфы растрезвонился мобильный.

Был первый час ночи. Звонил сын.

– Мам, тут тетя Ира твоя с третьего сейчас приходила! – слишком бодрым для разбуженного человека голосом отрапортовал он.

Выйдя из кабинки, Катя обессиленно прижалась к стене.

– Мам, ты меня слышишь?

– Слышу... Пьяная?

– В сосиску, – хмыкнул сын.

– Не смей так говорить о взрослых людях! – прошипела она и тотчас возненавидела себя за ненатурально-категоричный тон, каким часто говорила с ней мать.

– Короче говоря, – пропустив мимо ушей ее замечание (что, увы, вошло у него в привычку), продолжил сын, – она на весь подъезд вопила, что ей сейчас нужно где-то побыть, и рвалась к нам в квартиру! Я ее не впустил, сказал, что давно сплю и мне завтра в школу.

– Ну... и правильно сделал, – выдавила Катя. – Спокойной ночи.

Соседке с нижнего этажа – единственной, с кем Катя сумела сблизиться в родном средневековье, – давно было начхать не только на окружающих, но и на себя.

Только выйдя из туалета, Катя сообразила, что завтра суббота, неучебный день.

По дороге на пост Катя, не помня зачем, вновь зашла в сестринскую.

Блатная успела перевернуться на другой бок и теперь дышала в сторону стола приоткрытым полубеззубым ртом. Было душновато, к тому же пахло старым нечистым телом. Катя прошла к окну, и приоткрыв, набросила на винтик гребенку-ограничитель.

Вернувшись на пост, она оставила в журнале запись о сделанном уколе. Глаза чесались и слезились от усталости.

В скудности этих жидких, бликующих желтым светом казенной лампы слез, размазывающих в синие кляксы аккуратные записи в журнале, мелькнул озлобленный и вместе с тем покорный, коровий взгляд Бекмамбетовой.

За все время работы в отделении Катя так и не смогла привыкнуть к их боли – не физической, а той, что передавалась им по наследству с молоком матери. Всегда дремавшую в душах боль невозможно было вылечить препаратами. Ее можно было вылечить только счастьем – но где же его взять-то, девоньки, чтобы на всех хватило?!

«Хочешь, я уколою тебе классный секс?»

«А хочешь, дам полтаблеточки заботы?»

«Счастливое супружество надо развести один к трем в стакане кипяченной воды и пить не спеша. Да, каждый день...» – вихрем пронеслись в голове совсем не смешные фразы.

Катя достала из кармашка Нинкин мобильный.

Не понимая, что с ним делать, она тупо пялилась в темный экран смартфона, с корпусом, обтянутым красным силиконовым чехлом, и щедро украшенном камушками Сваровски задником – в излюбленном стиле Нины.

Борясь с зевотой, Катя ощущала себя в своем теле уже так же, как и всегда. Недоженщиной и недомужчиной, нужной всем только в моменте, замотанной в свой спасительный кокон дурой.

Если минутами позже она решит ворваться к Нине с дурной новостью, та просто заберет у нее телефон и выгонит вон из палаты.

У таких, как эта дамочка, в отличие от соседки Ируськи, давно уже выработана здоровая и гибкая система самозащиты. Приемы средневековья – истерики и глупые, напрасные приступы самоистязания – этой системе чужды.

Отплачется Нина одна. Может, даже и плакать не будет.

Кто знает, вдруг в их мире подобные развлечения в порядке вещей?

А еще в том мире есть адвокаты и психологи, подружки-советчицы, живущие за высоким забором, брачные договоры.

И Нина, и ее муж, опрометчиво гульнувший на стороне (что вовсе не факт), не допустят развода из-за какой-то, возможно, спьяну перепутавшей номер идиотки.

Не только ради детей, но и ради своих мест на сцене, в массовке.

Катю же она возненавидит, а после будет избегать.

И как только выпишется, постарается забыть, как тяжкий наркозный сон...

Гоня от себя разом и сон, и мысли, Катя вышла из-за стола и, в который раз за этот бесконечный вечер, прошлась по коридору отделения.

Василий Павлович, судя по гробовой тишине за его дверью, давно уже дрех.

Она задержалась у третьей общей палаты, где лежала Бекмамбетова.

Постояла, прислушалась – вроде тихо...

Завернув за угол, в короткий отсек с коммерческими палатами, Катя напрямик направилась к девятой и распахнула дверь.

Уверенно ступая своими «медвежьими», как говорила мать, лапами, подошла к койке.

Нина крепко спала. Дыхание было ровным.

На гладком, вспотевшем, подсвеченном косыми лучами луны лице не было ни морщинки. Пугающие при свете люминесцентной лампы синяки под глазами сейчас лишь выгодно оттеняли модные нынче густые, слишком густые для такой тоненькой женщины брови, удивленно застывшие над темно-коричневыми, уже не выглядевшими неряшливыми холмиками век.

Нина лежала на правом боку так же, как после операции, – выпростав левую ногу поверх одеяла. Вероятно, любимая поза.

Казалось, за окном, прямо под чистым звездным, чудом освободившимся от назойливого колючего дождя небом, кто-то негромко и властно играет на флейте. Приправленная лунным зельем незамысловатая мелодия была Кате знакома. Безнадежно утерянная в широких складках не раз перекоренного, подлатанного где только можно кухаркиного передника, так и не стертая глубинной памятью, она была и ее неотъемлемой частью.

Нина была прекрасна.

«Недаром луна дает женщинам огромную силу, – невольно любясь спящей и зевая в кулачок, как двумя часами ранее Нина, думала Катя. – Окутывая даже самый крепкий мужской интеллект иллюзиями, луна делает вас, женщин, ведьмами. Они и видят вас не такими, какие вы бываете днем – требовательными, угловатыми, визгливыми, суетливыми и настырными. Они едва замечают ваши новые прически, наряды и каблуки, не принимают близко к сердцу ваши бесчисленные просьбы. Но все, что они делают, они делают ради вас... потому что надеются когда-то в такой, как сейчас, ускользающий миг, напиток вашей коварной лунной покорности. Вашей нежности и вашей бесстыжей страсти».

Катя положила мобильный на тумбочку.

Перед тем как покинуть пост, она удалила чат с сообщением неизвестной. Пяля слезившиеся глаза в настройки чужого айфона, сумела, не без труда, занести этот номер в черный список.

Ввиду диагноза Бекмамбетовой ситуация требовала врачебного контроля, и Катя решила разбудить Василия Павловича.

– Устала ты, – напоследок прошептала она спящей. – Все мы устали... Ничего... здесь отоспишься.

Ника-инстаблогер

Она обожала ходить по квартире гольшом.

Даже зимой, когда то и дело поддувало из халтурно сделанных окон в съемной квартире на двадцать втором этаже нового дома, Ника, ловя отражение в зеркале, чувствовала себя великолепно. Нагота, как и грамотно выстроенная камера в мобильном, скрадывала недостатки – широковатый нос и пористую, склонную к акне кожу.

Безупречное тело жизнь лепила ей с детства.

В силу стечения обстоятельств Нике пришлось расстаться с балетной школой, из которой мать напрямик отвела ее, тринадцатилетнюю, в школу бальных танцев. Уже через год привыкшая по несколько часов в день насиловать свое тельце девчушка стала брать призы на всевозможных детских конкурсах.

Менялись школы, преподаватели и, по мере ее физического и профессионального роста, партнеры по бальным танцам, не менялось только жгучее желание матери, отдела немецкой художественной литературы, одерживать победы руками, точнее ногами дочери.

К моменту окончания средней школы комнату Ники украшала стена из кубков, обвязанных медалями, а из полутемного зеркала, вмонтированного в створку старенького полированного шкафа, лукаво поправляя гриву блондинистых от природы волос, на нее глядела молодая богиня – с длинными накачанными ногами, упругой попкой, маленькой, острой грудкой и пикантной родинкой чуть ниже пупка.

Когда Нике было тринадцать и у нее начались месячные, мать сочла себя вправе отмечать их начало красным крестиком в своем карманном календаре.

В одиннадцатом классе Ника завела свой, тайный календарик, который прятала по сборникам поэтов в стеллаже, где красным же крестиком отмечала половые акты с парнями.

Влюбляться и мучиться, как многие ровесницы, юная танцовщица не хотела. Ее натура жаждала восхищения, которое вызывало у парней ее точеное тело.

В институт Ника, годами наматывавшая километры по паркету, поступила с трудом.

На этом настаивал отец, мелкий министерский чиновник, скептически относившийся к танцам и часто выговаривавший матери, что танцовщица – не профессия. Он ошибался. Учась через пень-колоду на маркетолога, в двадцать Ника преподавала в детской школе танцев, а в двадцать три – взяв бронзу на главном конкурсе в Москве по сальсе, – устроилась на работу во взрослый танцевальный клуб, сняла свою первую квартиру и с чувством пугливого облегчения покинула родительский дом.

К своим нынешним двадцати семи Ника существенно подкорректировала отношения с противоположным полом. Избавившись от бессмысленно, но все так же цепко надзиравшей (теперь уже только на словах) за ее нравственностью матери, наконец вылечившись от передающегося половым путем вируса и однажды чудом сбежав от сексуального маньяка, она стала дарить свое тело с умом, предпочитая чистеньких, чаще женатых мужчин.

Женатые любовники закрывали гештальт – все еще жившие на задворках памяти образы теперь уже почти безымянных, некогда задиристых и модных мальчишек-старшекласников или их друзей-студентов, на которых она, в свои тринадцать не по годам чувственная, но еще невзрачная, даже не смела взглянуть.

Повзрослевшие и погрузневшие, кем-то между делом окольцованные, недостижимые прежде мальчишки теперь не только, как было в ее семнадцать, восхищались ее телом, но и упивались ее легкостью, бесследно испарившейся у их достойных, постоянно недовольных жен.

О собственном замужестве – тяжеловесном слове, так и висевшем в последние годы на губах матери, Ника думать не хотела... зачем?

Она много и с удовольствием работала, избегая любых утяжелений в отношениях, прительствовала с такими же, как она, самодостаточными женщинами, активно вела в инсте бьюти-блог, и за месяц до пришествия ковида задумала копить на первый ипотечный взнос за однокомнатную квартиру – хозяйка клуба прозрачно намекнула, что с осени хочет сделать Нику, за несколько лет ставшую не только ведущим преподавателем, но и ее незаменимой помощницей, управляющей.

Чуть меньше года назад, в октябре, в ее жизни случился Алексей Соловейчик – один из шапочных знакомых хозяйки, приехавший осмотреть соседнее, принадлежавшее мужу хозяйки помещение, которое планировалось отремонтировать и сдать в аренду.

В тот вечер куда-то срочно упорхнувшая хозяйка поручила Нике организовать в ее отсутствие просмотр лофта.

Алексей, фирма которого специализировалась на суперновых системах кондиционирования помещений, до неприличия сильно опоздал и, дабы загладить вину, пригласил ее на ужин в ближайший ресторанчик.

Не сказать, чтобы она по уши влюбилась, но как-то так вышло, что он – почти комично ушастенький, чернобровый, не слишком остроумный диванный оппозиционер – незаметно вытеснил из ее жизни всех остальных.

Возможно, причина неожиданной и прочной привязанности крылась в череде неудачных, предшествовавших их встрече отношений.

Незадолго до Алексея ей попался альфонс, который уже после двух свиданий назойливо стал кланчить в долг солидную сумму; а следующий, женатик, как оказалось, нуждался вовсе не в физической близости, а исключительно в бесплатном психологе.

Подустан от радостей и отрыжек необременительного секса, естественно повзрослевшая в отсутствие давящего взгляда матери и молчаливых упреков отца, Ника захотела стабильности.

Алексей хорошо зарабатывал, при этом не унижал ее денежными подачками; не допрашивал, не опаздывал, не засиживался и не жаловался на жену. Рыхловатый от природы, но

подтянутый (гантели плюс сила воли), он пах той самой необременительной для нее стабильностью и хорошим нишевым одеколоном.

Встав в отвратительном расположении духа, которое сознание тут же списало на пару лишних бокалов вина, Ника, как обычно нагишом, направилась в ванную.

В большом сонном зеркале коридора периферическое зрение ухватило движение большого и неуклюжего, пугливо передвигавшегося в сторону ванной белого пятна. Остановившись у зеркала и поглядев на свою наготу, она вдруг почувствовала к себе небывалое и жгучее отвращение.

Метнувшись в ужасе обратно в комнату, Ника выдернула из-под подушки мобильный, который со вчерашнего вечера не выпускала из рук.

Последняя закрытая в инете вкладка была страничкой сайта «Афоризмы и стихи». Открыв ее, перечитала дурацкий, возмутительно глупый стих какой-то Ирины А., на который случайно наткнулась вчера.

Из окошка скребется осенью,
Меня милый, любимый бросил мой
И помятую, и нежеланную
Рюмкой пятничной долгожданную

Ты постой, погоди холодно солнышко,
В рюмке той нету доньшка.
Я любовь свою себе придумала
Ворожила в ночь, в воду плюнула

Одинокая, нежеланная
Лишь убогому долгожданная
Погоди, молю...
Ты взглядишь в меня!
Что придумано – то и истина.

Встав на корточки у кровати и уткнувшись лицом в простыню, Ника разрыдалась.

Гнойник, нарывавший в душе с пандемийной весны, вчера неожиданно прорвался наружу и превратился в конкретное действие, на которое почему-то до сих пор не было никакой реакции.

Вчера, выпив после эфира в инсте с полбутылки вина, Ника, приказав совести заткнуться, отыскала в контактах айфона еще в мае занесенный, обозначенный коротеньким «Н» и эмодзи, символизирующей кашку, номер, и, почти не думая, набрала в ватсапе нехитрый текст, вероятно, услышанный в дерьмовом сериале с картонными героями.

Почувствовав секундное злорадное облегчение, нажала кнопку «отправить».

Прошло мучительных полчаса, но сообщение не было прочитано получателем.

Ника пошла в душ. Заставила себя сделать вечерний уход, которому как раз в тот вечер учила в инсте подписчиц – три разных сыворотки, масло для роста ресниц и бровей, крем под глаза, на лицо и шею, массаж нефритовым мезороллером между нанесениями всех этих средств.

Выйдя из ванной, она бросилась к лежавшему на подзарядке мобильному.

Сообщение все еще значилось непрочитанным.

Добив бутылку красного, Ника, то бессмысленно глядя в экран с сериалом, то бесцельно шарясь в мобильном, ждала ответа.

Ей пришло в голову, что именно в таком состоянии, должно быть, ждут в очереди результат КТ больные ковидом – вздрагивая от каждого дверного всхлипа, жадно прислушиваясь к голосам медперсонала и представляя, а затем уже окончательно убеждая себя в неблагоприятном диагнозе.

А каким, в ее случае, мог быть «благоприятный» диагноз?

Она не знала.

Он никогда не решился бы сам.

Каждый раз, когда отводил глаза при прощании, его продырявленная и страстью, и долгом душа будто вымалывала у Ники вмешаться в ситуацию.

Еще в начале стремительно развивавшегося романа она много раз представляла, как он паркуется перед загородным домом, как заходит в него, снимает в громадной, с мраморным полом прихожей дорогие итальянские ботинки, наспех целует бросившихся навстречу детей, машинально треплет за ушами примостившуюся на руках одного из них уродливую крыску-собачку, а потом неожиданно обрушивается на нее с яростным криком: «Место!».

Из кухни тянет жареным мясом и пригоревшим чесноком, а жена где-то в доме хихикает с массажисткой.

Не снимая костюма, он проходит в ванную и моет руки, затем идет в кухню-столовую, убранство которой стоит, как хороший автомобиль.

Открывает сковородку и раскладывает по тарелкам давно остывшее мясо и пережаренный зеленый горошек.

За ужином дети, мальчик и девочка, вяло ковыряются в тарелках, во что-то играя в мобильных.

Весь ужин он едва сдерживает себя.

Дети уходят, и наконец появляется ЭТА.

На лбу немолодого лица багровеют заломы от массажного стола.

Короткий, небрежно запахнутый халатик обнажает заплывшие жирком коленки и рыхловатые ляжки.

«Как дела на работе?» – не глядя, спрашивает она и, не дождавшись ответа, кидается с портмоне в руках в прихожую, чтобы рассчитаться с азиаткой, застывшей там в обнимку с массажным столом.

Когда жена возвращается, он смотрит на нее тяжелым, как тот стол, взглядом.

«Надо поговорить», – твердо произносит он.

А позже, как в красивом клипе, грохаются на пол в прихожей собранные наспех чемоданы, из комнат выбегают дети, лает, мешаясь под ногами, крыска-собака, рыдает ЭТА...

И все это в черно-белых тонах.

Он, не оборачиваясь, покидает дом.

Воздух свободы заполняет его легкие, и все вокруг волшебным образом окрашивается в яркие цвета.

Он садится в машину.

Но следующий, казалось бы, самый важный кадр в этом клипе, упорно не складывался...

Фантазию эту Ника видела во множестве вариаций.

Менялись времена года и, как следствие, модели и толщина подошв его ботинок, менялся возраст детей – они то уменьшались в размерах, то вырастали.

Менялась порода собаки. Иногда воображение рисовало зашуганную таксу, иногда – порывающую овчарку.

Массажистка трансформировалась в косметолога – переколотую ботоксом блонду прилично за сорок. Мрамор на полу становился благородным дубом.

В кастрюльке на плите хозяина могло дожидаться пересоленное рагу или слипшееся комками ризотто.

Халатик на теле жены был то плюшевым, отстойным, то роскошным, отделанным кружевном шелковым пеньюаром.

Менялась и жена – от курносой, плотно засевавшей в пригородном поселке с вареньем и выращиванием цветочков простушки до властной, уверенно несущей статус жены и матери силиконовой красавицы.

Неизменным оставалось одно: его желание разрушить мирок, в котором он не был счастлив.

Через пару месяцев регулярных встреч выстроенная в воображении плавающая картинка стала размываться.

Как выяснилось, Алексей жил с семьей в таунхасе общей площадью всего-то в двести метров, огромной прихожей в нем быть не могло.

Машину он вынужден был оставлять на общей парковке, поскольку единственное машиноместо на участке захапала, как между делом выяснилось, его жена.

Собака оказалась обычной дворнягой, которую ЭТА взяла щенком из приюта.

У детей появился не только возраст, но и лица в айфоне.

Некрасивая, в очках, чернявенькая Мила ходила во второй класс гимназии, а русоволосый худосочный Артем с утра посещал садик, а после обеда сидел дома с больной диабетом и гипертонией няней.

Клип стерся, уступив место чужой и скучной бытовухе.

А в марте, без объявления войны, нагрянул ковид.

Престижный танцевальный клуб, в котором работала Ника, как и вся страна, закрылся на карантин.

Она несколько раз пересчитала подкопленные наличные и уточнила кредитный лимит на карте. Без банковского кредита она могла бы протянуть на прежних аппетитах с полгода, с кредитом – плюс еще пару-тройку месяцев.

Ника ввела режим экономии – больше никаких «Деливери-клуб», полуфабрикатов из «Ешь деревенское», лишних подписок и занятий английским по скайенгу. Ей пришлось отказаться от любимого французского вина, бокальчик которого она имела обыкновение пропустить под болтовню лежавшего на растерзанном диванчике Алексея или после эфира по вечерам.

Теперь уже с особым рвением она продолжала вести в инсте свой блог – выкладывала несколько раз в неделю видосы, в которых учила девчонок правильно ухаживать за лицом и делать разные типы макияжа.

Инста, как и весь мир словно сдурела.

Ника не понимала, почему одно ее видео без всякого поднятия собирает десять тысяч просмотров, а другое, с подобным содержанием, только три.

Народ то пачками отписывался, то снова приписывался.

Потери были очевидны – за карантин, когда, казалось бы, всем красавицам страны особо нечего делать, она потеряла почти четверть аудитории.

Возможно, подхватившая ковид инста просто планомерно умертвляла своих прилипших во время оплаченных Никой поднятий ботов.

В отсутствие привычной активности уже в первую неделю карантина Ника почувствовала, что впадает в депрессию – серое и какое-то мокрое ощущение, прежде знакомое только по чужим, небрежно пролистанным постам.

Поначалу она списывала свое состояние на вынужденную малоподвижность.

Скакать по три-четыре часа одной в пустой квартире так, как она привыкла на занятиях в клубе, даже собрав волю в кулак, не получалось – не было ни желания, ни мотивации.

Наконец она поняла – все дело в отсутствии секса.

До карантина единственный (вот уж ее угораздило!) любовник заскакивал к ней раз, а то и два в неделю.

Не зная, чем еще себя занять, кроме еды и просмотра сериалов, Ника с утра до вечера залипала в инсте и однажды наткнулась на ЭТУ.

Ее аккаунт она обнаружила практически сразу, как та его завела, судя по первым фоткам – в последних числах апреля.

ЭТА оказалась вполне миленькой. Не старой. Вполне, как это принято сейчас говорить, «ебательной» женщиной.

Порвав в голове Ники все шаблоны, она выглядела совсем не так, как во всех ее фантазиях.

Ее звали Ниной. Ниной Соловейчик.

Алексей, на которого Ника практически с самого знакомства была подписана, но никогда не лайкала и уж тем более не комментировала, бывал там не часто. У него был скучноватый аккаунт с сотней приятелей и сослуживцев в подписчиках.

До пандемии, когда любовник бывал в регулярных командировках, он часто постил скучные фотки.

Вид из окна небоскреба на ночной Сеул, рождественская площадь Брюсселя, рассвет в Ярославской области – подобной малоинформативной, в отсутствие грамотного поста, ерундой пестрел каждый третий аккаунт.

И уж чего Ника никак не могла понять – кому и зачем замдиректора солидной конторы демонстрирует неважно сфотканные куски стейков и тарелки с борщами, которые можно найти в любой московской забегаловке? Он часто постил еду.

Проверив по нескольку раз на дню число новых подписчиков и комментов на своей стильной, вылизанной фотошопом страничке, Ника с вялым интересом заходила в аккаунт любовника, и, проглядывая его доковидные фотки, удрученно вздыхала. Она все хотела при случае сказать, что инста – не его тема и с таким отстойным контентом ему лучше оставаться на фейсбуке с кучкой верных приятелей.

Но случай не наступал: Алексей, как и вся страна, сидел с семьей на самоизоляции.

И вот, в первых числах мая, когда Ника уже скатилась до регистрации в «Тиндере» и просмотра порнографии, под старыми фотками любовника запестрели бодрые, подчеркивавшие близость той, кто их строчил, комменты.

«Класс какой! В следующий раз в Сеул только с нами!».

«А мой борщ все равно лучше».

«В моем подарке действительно потрясная камера».

Так-так.

«Айфон, выходит, подарила... Купила, бездельница, на его же деньги», – бесилась Ника. Вялотекущую депрессию вытесняло зудящее любопытство.

Через пару недель после того, как Нина Соловейчик появилась в инсте, на нее каким-то чудом было подписано несколько сотен человек, и каждое ее фото собирало не меньше ста лайков!

На раскрутку своего аккаунта Нике понадобилось два года.

Даже с помощью платных программ, нагонявших подписчиков, ей не удавалось набирать за пост больше четырехсот лайков.

Прямые эфиры просматривали тысячи, но большей части инста-пользователей было леньшний раз ставить заветное сердечко под ее постами – обзорами косметических новинок, над текстом и картинками которых она корпела не по одному часу.

Чем больше Ника вглядывалась в фотки Нинки, тем больше понимала, что почти не знает Алексея.

И это запоздалое, совершенно бессмысленное в силу невозможности личных встреч открытие, изводило ее, доводя порой до бешенства.

Скрупулезно изучая аккаунт незнакомой женщины, Ника ломала голову: кем ей приходится все эти люди и почему несколько сотням человек так интересна жизнь банальной домохозяйки?

Может, все дело в щенячем восторге, исходившем от этой взрослой бабы почти с любой фотографии?

Ептыть... Неужели банальный кулич на столе, к тому же сфотканный с нарушением экспозиции, может и в самом деле вызвать у людей интерес? А три чахлах березки над речкой, сто тридцать два лайка, это вообще как?!

Нинкины грубо отфильтрованные в бесплатном приложении селфи аккуратно собирали под двести лайков.

Пока ЭТА была в ее жизни абстрактной величиной, Ника ей отстраненно сочувствовала, примерно так же, как приютским бомжам, на помощь которым с ее карты ежемесячно списывали пятьсот рублей.

Но как только у жены Алексея появились имя и личность, все изменилось.

Она никогда никому не желала зла.

Даже лишившей ее беспечного детства старой, худющей и злой, с глазами навывкате балерине. И даже тем двух девочкам, которые взяли два первых места на престижном всероссийском юношеском конкурсе бальных танцев.

Но после заочного знакомства с Ниной Соловейчик в ней завозилась навязчивая мысль: пусть она заболит. Пусть в легкой форме, без последствий.

Тогда Алексею по-любому придется от нее изолироваться.

Насколько Ника знала, его мать жила в Москве, и переезд к ней мог дать им возможность для возобновления встреч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.